

надлежность человека чему-то, что трактуется как обладающее большей силой, чем сам человек (божество, идея, страсть, желание, горе, болезнь и т.п.; тема "одержимости", ср. англ. *to obsess*, отсылает и к особым способам выражения — пассивность, процессуальность, состояние, особый статус субъектно-объектных отношений и т.п.).

²⁹Ср.: "Здесь-то человеческая самость и обретает свою определенность в том или ином конкретном Я за счет того, что она ограничивается окружающей ее непотаенностью. Ограниченная принадлежность к кругу непотанного и образует бытие человеческой самости. Человек становится его через ограничение, а не через безграничность того рода, когда самопредставляющее Я само сперва размахивается до меры и средоточия всех представимых предметов...". См. *Heidegger M. Der europäische Nihilismus*. Pfullingen, 1967, S. 114 (пер. В.В. Библихина).

³⁰"Der Grundcharakter des reinen Ich besteht darin, daß es, im Gegensatz zu allem Objektiven und Dinghaften, absolute Einheit ist. Das Ich, als reine Form des Bewußtseins gefaßt, enthält keinerlei Möglichkeit innerer Unterschiede mehr: denn solche Unterschiede gehören nur der Welt der Inhalt an. Wo immer daher das Ich als Ausdruck des Nicht-Dinglichen in strengem Sinne genommen wird, da muß es als "reine Identität mit sich selbst" gefaßt werden...". См.: *Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen*. Erster Teil: Die Sprache. В., 1923, S. 224.

³¹Ср.: *Bang W. Les langues ouralo-altaïques*. Bruxelles, 1893; *Cassirer E.* Op. cit. Erster Teil, S. 208 ff., 222 ff.; *Еснерсен О.* Философия грамматики. М., 1958, с. 91, 249—250 и др. — О роли "здесь-теперь" в связи с моментом речи и более общей антропоцентрической установкой, объясняемой из акта языковой коммуникации, см.: *Kurylowicz J. Esquisses linguistiques II*. München, 1975, S. 26 ff.; *Иванов В.В.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978, с. 128—129 и др.

Т.М. НИКОЛАЕВА

СРЕДСТВА РАЗЛИЧЕНИЯ ПОСЕССИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ: ЯЗЫКОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

1. ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ

В качестве объекта исследования были взяты словосочетания со словом *свой* в русском языке на ранних этапах его развития: от древнерусского периода до конца XVIII в. Цель исследования — определить, какие именно аспекты посессивной семантики язык стремился различить формальными способами; выявить, как именно это реализовалось в разные периоды эволюции языка. В работе использовались: 1) данные Картоотеки ДРС Ин-та русского языка АН СССР; 2) данные Картоотеки Словаря XVIII в. Словарного сектора ЛО Ин-та языкознания АН СССР; 3) данные дистрибуции типов номинации и посессивных форм в "Слове о полку Игореве". Графика примеров соответствует их представлению в картоотеках.

1. Данные древнерусского языка (до XV в. включительно)

Два обстоятельства обращают на себя внимание в описываемый период¹. Первое: словосочетания со словом *свой* могут иметь атрибут как в препозиции, так и в постпозиции. Второе: отмечается довольно устойчивая группа лексики, допускающая только один порядок элементов словосочетания, а именно — постпозицию *свой*.

По поводу первого из указанных обстоятельств необходимо отметить

количественное преобладание конструкции N + *свой*, т.е. препозиции N и постпозиции *свой*. Так, по данным картотеки ДРС конструкции N + *свой* относятся к *свой* + N₁, как 1,9:1.

В каких же случаях употребляется маркированная конструкция *свой* + N? Она встречается всюду, где есть противопоставление и е, как явное, так и имплицитное. Прежде всего, это прямое противопоставление своего и чужого, выраженное в тексте: *Тако же и Изяславъ изъ с в о и х ъ полковъ наперед одинъ в полкъ противных и прииде; Видѣвъ же полкъ Изяслави король и тако и с в о и м полкомъ повелѣ; Юрои же ни их посла к ним отпусти, ни с в о е г о к ним посла; Написаша и с в о и х ъ книгъ немало, о великихъ таинахъ сказавъ. Значение, близкое к указанному: 'свой, а не чужой' и приближающееся к нему 'свой собственный' также выражается препозицией *свой*: *И видѣ его сестра его Рогнѣдъ велми изнемагающа, и нача ему молитися, да ляжет въ Смоленсѣ въ с в о е м здани; Аще познаеть кто чюжь конь, любо шроужіе въ с в о е м ь миру, то взати ему свое, а 3 гривнѣ за обиду. На базе этих значений возникают устойчивые сочетания типа *своим умом, своими глазами, своими руками* с окрашенной посессивной семантикой 'свой собственный', сохраняющейся в подобных сочетаниях и в настоящее время: *Цареградци же умориша его, глаголюще, яко умре с в о е ю смертю; А кабалу писал Гридя с в о е ю рукою; Се язъ пишу душевную грамоту, уда в Орду, ни кимь не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи; А мы холопу вашему подали сказку за своими знамены, а в сказки им написано; Бѣху же Угри первое въ православие крещение от Грек приемше, но не поспѣвшим им с в о и м ъ языком грамоту изложити и т.д.***

К значению подчеркнутой индивидуальной собственности примыкает значение дистрибутивности, распределения индивидуальной принадлежности владения: *Они же не постряпуче поткоша вси с ними кыждо въ с в о и бродѣ; А доводчику у нихъ изъ стану въ станъ не переѣзжати, кождо бо искаше с в о е г о съпротивника побѣдити. И смѣсишася кождо въдаеть свои станъ. Таким образом, в плане линейного распределения словосочетания у указанного периода подчеркнутое выражение притяжательности, обладания, окрашенное дополнительной семантикой 'свой, а не чужой', 'свой собственный', 'каждому свое', выражается препозицией притяжательного местоимения. Нейтральное, немаркированное выражение притяжательности выражается постпозицией *свой*: *Мы, княже, за тя главы с в о я съскладываемъ, а ты нынѣ держишь врагы свои и наши просты; Наряди же полкъ с в о и Всеволод и пусти возы с в о я за рѣку; И повороти конь Мъстиславъ и съ дружиною с в о е ю от стрья с в о е г о; А самъ Рюрикъ на том же цѣлоза к ним крестъ, и распусти дружину с в о ю и дѣти с в о е, и Половци отпусти въ вѣжи с в о ѣ, одаривъ их дарми многыми, а самъ иде во Вручи орудии с в о и х ъ дѣля; Онъ же не поѣха, но и сына с в о е г о выведе из Орѣхова, князя Александра, токмо намѣстники с в о я. Именно вокруг этого неокрашенного посессивного значения группируется лексическое поле имен, относящихся к непосредственной сфере окружения актанта: слова типа *двор, послы, воевода, град, ратники, полки, бояре*, а особенно — имена родства.**

Оппозиция *свой/подчеркнуто свой*, т.е. противопоставлено *свой*, отчетливо проступает при именах-этнонимах: литовцы, половцы для автора 168

текста не свои, они "свои" для чужого. См.: *Олгирд посла с во ю Литву во сторожѣхъ передѣ полкы; Олгердъ же и Кестутеи повелѣша опять с во еи Литвѣ бродитися за Великую рѣку; Олгердъ же и Кестутеи со с во ею Литвою отрекошася поити противу Немецкоу рати; А по иныхъ с во ихъ Половцѣвъ послаша.* Ср. с этим: *И еще убо князь Мстиславъ уготовися на брань съ Ростовци с во ими* и многие примеры подобного типа. Некоторые сочетания с лексемами *отчина*, *власть*, *сторона*, *град*, оказались, судя по материалу, допускающими обе конструкции, с пост- и препозицией посессива без явного их содержательного различения в тексте: *Возврати же ся князь Михаило во градъ с во и с великою побѣдою и возвратишася во с во е отечество с великою радостью; Но жаль мне с во еѣ отчины; Прииде с пожалованьемъ въ с во ю отчину; Тогда вборзѣ буду въ с во ю отчину; Глѣбъ Борисович иде на Бѣлоозеро въ с во ю отчину; Онъ же иде Смоленску въ с во ю отчину; Брате, ты тамо с во е отчину от Юрья постережи; Отпусти его почестивъ до с во ю отчину; Поидоша к Батыеву про с во ю отчину; Помысли въ сердци с во ем церковь въздвигнути въ отчинѣ с во еи в Серпоховѣ; Обнови отчину с во ю (вариант: с во ю отчину); Положилъ гнѣвъ с во и на отчину с во ю; Пожалованъ царемъ Озбякомъ отчиною с во ею Тферскою землею.* Подобное смешение конструкций наблюдается и у других слов указанной группы лексики. Ее прагматическое отличие от предыдущей группы (родственники, послы, полки, дом, двор и т.д.) можно увидеть в следующем: группа с твердым порядком *N + свой* соответствует неким объектам, безусловно подчиненным какому-то смысловому центру, первичному актанту (обычно это князь, о котором повествует летописец), это как бы нулевое подчинение, а *отчина*, *власть*, *град*, *сторона* могут принадлежать и параллельному для летописца и столь же полномочному актанту, поэтому в таких примерах можно усмотреть оттенок подчеркнутой дистрибутивной посессивности.

Таким образом, несомненно и вполне доказуемо утверждение, что для древнерусского языка описанного периода различается собственно посессивность, не окрашенная дополнительной семантикой, и принадлежность подчеркнутая, окрашенная. Средством их различения служит порядок компонентов в словосочетании: *N + свой* — немаркированная посессивность, *свой + N* — маркированная посессивность. Количественно из них преобладает *N + свой*, поскольку обычно всякая не отмеченная особо структура, по определению, преобладает и статистически. Прагматический фактор обеспечивает наличие определенной группы лексики, тяготеющей к чистой посессивности — обычно это круг непосредственного владения актанта².

2. Данные XVI—XVII вв.

Отличительными чертами этого периода можно считать четыре явления: 1) резкое увеличение числа примеров с конструкцией *свой + N*, т.е. препозицией посессива; 2) появление двух разных значений у структуры *N + свой*; 3) частые случаи необъяснимого с предшествующих позиций смещения семантики употребления обеих конструкций: это становится очевидным при одном и том же *N* и совпадении смысла высказываний; 4) появлении слова *собственный* как частого лексического подкрепления к соответствующему значению *свой*.

Так, структура *свой* + N сохраняется при подчеркнутой притяжательности (*свой*, а не *чужой*, *свой* *собственный*, каждому *свое*): *И oprичь бы того таможенного вѣсу, никакіе люди въ с в о и вѣсь хлѣба не покупали и не продавали; Велель имъ жалованную грамоту переписати на с в о е государево имя; А называютъ ту его Ондрюшкину тоню с в о е ю тоню и владѣють тою тоню насильствуемо сами; Для сыску волочились мы, холопи твои, во многіе годы с в о е ю охотою; Всѣ мы, поручники, живемъ с в о и м и дворы; Ужъ у него и с в о я сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца и боится его; Для того сви^ня инымъ голосомъ запѣла, что не с в о е в о корму хватила; Аще кто обряцется на мѣстѣ, несущу священнику, аще и с в о и отецъ крестить нѣсть грѣхъ и т.д.* Однако препозиция посессива все больше начинает характеризовать те словосочетания, которые в более ранний период были бы отмечены постпозицией *свой*: *Первому полку воевода поставляетъ единокровнаго с в о е г о боярина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго; Се азъ, князь Михаилло Андреевичъ, менял есми все с с в о и м слугою с Офонасом со Внуковымъ землями... А променял есми Афонасу с в о е м у слуге Липнис Боярскои Лукинскои; Ученици восплакаша, яко оставше добраго с в о е г о пастыря и по бозѣ учителя; Оумилостивися государь Федоръ Ивановичъ, пожалуй вели, государь, на того с в о е г о бобыля дать с в о і правѣдноі судъ и оуправу в тоі гибели; Се язъ, Федоръ Игнатьевъ сынъ, с в о и м ъ сыномъ съ Мокіемъ, да язъ Олексіи Микифоровъ сынъ, с в о и м ъ сыномъ съ Игнатьемъ и т.д.*

У структуры N + *свой* остается значение неокрашенной посессивности: *Турские дервиши на груди у себя ... рѣжутъ и на голове и на телѣ с в о е м ъ ... зелье жгутъ; А к девицу монастырю далъ вкладъ по родителямъ с в о и х Андрей Яковлевъ; А товары с в о и привозятъ и въ лавкахъ торгуютъ; Въ приезде с в о е м ъ запоздають; Всеа Русі и Московскаго царства царевицъ Дмитрей изгнанъ ото отечества с в о е г о.* Однако у постпозиции *свой* возникает, как новое, значение окрашенной посессивности. В этом случае посессив является предикативом (в современном прочтении он обязательно ударен): *А языкъ де у хана с в о и и говорятъ по своему; Королевство земли Шпанскія земля же на велими пространна, а языкъ с в о и и люди воинские зѣло храбры; У которыхъ пищали с в о и и тѣмъ дати по пяти рублевъ.*

В словосочетании со *свой* все чаще появляется слово-вставка *собственный*: *Ренское королевство не было еще подъ чужею властію, но имѣло собственныхъ с в о и х ъ владѣтелей и самодержавнаго с в о е г о короля именемъ Григоріуса.* Появление этой вставной лексемы объясняется смешением препозиции и постпозиции *свой*, характеризующим этот период. Смещение это сказывается как в разнообразных вариантах порядка слов в словосочетаниях с одним N (*Созда человекъ во образъ с в о и – Перваго человека Адама созда Господь по с в о е м у образу*), так и в непротивопоставленном функционально введении обеих структур в один текст: *И охотники приняли подъ с в о и дворы и под огороды с в о ѣ десятинные пашенные земли, хотя в некоторых текстах это функциональное различие увидеть все же можно: Вѣдаю и то, что я в отписки с в о и к великому государю многая рѣчи на с в о ю статью написалъ, которая не в чинъ; Янъ Казимерь... присылалъ езувита с в о е г о о том, что вашему бѣ королевину в-зу потому мужъ воину вести съ с в о е и стороны.*

3. Данные "петровской эпохи"

В этот период наблюдается дальнейшее функциональное смещение конструкций *N + свой* и *свой + N*. Приведем количественные данные по четырем материалам, имеющимся в Картотеке Словаря XVIII в. ЛО ИЯ АН СССР: 1) письмам Петра Первого 90-х годов XVII в., 2) книге И. Посошкова "О скудости и богатстве", 3) Походному журналу Петра Первого 1713–1715 гг., 4) сатирам А. Кантемира. Распределение функциональных стилей литературного языка в этот период было настолько жестким, что недифференцированный подход к текстам может затуманить картину функциональной дистрибуции.

В письмах Петра Первого структура *N + свой* относится к *свой + N*, как 1,2:1, т.е. примерно поровну. Обращает на себя внимание факт, отмеченный и для предыдущей эпохи: если перед именем стоит еще одно определенное-прилагательное, то *свой* обязательно препозитивно, при этом оно непосредственно примыкает к имени: *Благодарствую и-вперед также по вѣрною с в о е и службѣ служить общаюся; Князь Иванъ Дмитріевичъ отъ тяжкія с в о е я раны... переселился въ вѣчныя кровы* и т.д. Смещение обеих структур видно при сопоставлении идентичных этикетных формул: *Здравствуй на многие лѣта со сажителницею с в о е ю, а мою государыню невѣстушкою*. Сравним с этим в той же формуле обращения *Братецъ государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ съ невѣстушкою, а съ своею супругою и съ рождениемъ своимъ в милости Божіеи здравствуйте*. Ср. также: *Реи да спустить въ знакъ своему началнику, что онъ то учинить можетъ и Тогда точас долженъ о томъ прислать къ началнику с в о е м у*.

У Посошкова преобладает препозиция над постпозицией (3:1), что может объясняться дидактичностью, а не чистой информативностью его текстов, поэтому преобладают устойчивые сочетания с именем типа *свое состояние, своя воля, свой вѣк* и т.д.

В Походном журнале 1713–1715 гг. соотношение препозиции *свой* к постпозиции 4:1, причем представлена препозиция в тех контекстах, в которых в древнерусский период была бы возможна только постпозиция: *Агличане украшали с в о и корабли флагами и палили со всѣхъ с в о и хъ кораблеи*.

У А. Кантемира соотношение обеих конструкций 1:1; в ряде случаев их параллелизм может быть, вероятно, объяснен соображениями метрического характера: *Зналъ бы лишь ружье свое да своего капрала; Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ. Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ; Отъ жены, дѣтей своихъ долгое посольство отправитъ тебѣ, Потомъ свое недовольство явитъ*.

Таким образом, значение противопоставления, дистрибутивной собственности, подчеркнутой собственности остается при *свой + N* (*Нездѣ говорить, себе ради не щадить крови людскои црь Петръ: шляпа свидѣтельствоуетъ, что и свое и крови не щадитъ; При которыхъ онъ и свои литовскіе роты умѣетъ* и т.д.). Но учащающееся добавление атрибута-прилагательного, расширение именной группы, перетягивает посессив в препозицию. Таким образом, именно препозиция постепенно становится нормой, преобладающей конструкцией.

4. Данные второй половины XVIII в.

Наиболее характерной чертой именно этой эпохи является резкое увеличение числа примеров с включением лексемы *собственный* в сочетание с функциональным значением подчеркнутой принадлежности: *Пользы ваша мнѣ приятнѣ своей собственной; Пизистратъ любилъ дочь Стеропы как собственную свою; Болѣе печется о поступкахъ и дѣлахъ ближнего нежели о своихъ собственныхъ; И говорилъ имъ собственную свою персонаю следующе; И о благополучи ихъ такъ пекутся, какъ о своемъ собственномъ; Опреѣлилъ онъ мнѣ двухъ человекъ своихъ собственныхъ къ моимъ услугамъ* и т.д. Функционально близким является указанное выше постпозитивное употребление *свой* в предикативе и под ударением: *Братъ мой, а умъ у него с в о й*.

Победу препозитивной структуры *свой* + N (или, напротив, потерю ею функциональной маркированности) можно продемонстрировать данными журнала "Трутенъ", полностью представленного за 1769 г. Соотношение препозиции к постпозиции равно 4:1. В ряде случаев в пределах одного предложения встречаются обе структуры: *И правда никтоль прилично со нравомъ с в о и м ъ прозвища не имѣтъ как сѣи господа, ибо вертятъ дѣла по с в о и м ъ прибыткамъ; Присматривать за с в о и м ъ домо-строительством и примеромъ с в о и м ъ служителей с в о и х ъ поощрять к трудамъ; На конецъ вмѣсто бещестія взялъ обратно с в о й вексель съ надписью, что по оному деньги получены, да для наступившей зимы супругѣ с в о е й не худой на шубу мѣхъ; Сей вельможа, подобясь дикому медвѣдю, сосущему с в о и лапы, сдѣлалъ домъ с в о и навсегда лѣтнюю и зимнюю для себя берлогу или лучше сказать онъ сдѣлалъ домъ с в о й домою бѣшеныхъ*.

Таким образом, оказывается постоянно значимой разница между чистым значением притяжательности и значением окрашенной притяжательности. В раннем периоде развития русского языка она выражается оппозицией места *свой* в словосочетании, т.е. порядком слов. Постепенно модель *свой* + N, представленная только в отмеченных по смыслу контекстах, побеждает количественно и становится выражением нейтральной посессивности, немаркированной. Тогда окрашенное значение *свой* начинает искать маркированные формы для своего выражения и находит их либо в добавлениях лексического плана, либо в акцентной выделенности, либо в особой конструкции с постпозицией: *У него свой собственный дом; У него свѣй дом; Дом у него свой*.

II. ОПЫТ ИЕРАРХИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Изложенные выше языковые факты, как представляется, достаточно объективны, но недостаточно интерпретированы. Описание, составляющее п.І, есть только дескрипция, только факты — без каких-либо гипотез, объясняющих механизм языковой эволюции или дающих право на лингвистический подход к подмеченным языковым явлениям. Какой же может быть предлагаемая интерпретация? Прежде всего существенно, что всякая интерпретация есть сопоставление двух систем: системы описания и некоторой другой системы X. Удачность выбранной системы X определит сте-

пень углубленности в трактовке языкового материала. В нашем случае X-системой могут быть факты того же языка (русского) как современного нам этапа, так и категориально близкие факты того этапа, который описывался. Это могут быть факты другого языка (других языков), возможно, повлиявшего на описываемый. Наконец, это может быть система общезыковых законов, как диахронических, так и панхронических. Представляется, что все эти перечисленные системы-интерпретации не исключают, а дополняют друг друга и могут быть описаны через градацию объясняющих феноменов.

1. В плане синхронного описания полученные диахронические факты находят соответствие в типах функциональной семантики посессива "свой", выведенных и описанных Е.В. Падучевой³. Помимо основного значения 'свой'₁ = 'себя + притяжательность', Е.В. Падучева выделяет 'свой'₂ = 'собственный', 'свой'₃ = 'свой'₁ + дистрибутивность, 'свой'₄ = 'особый', 'свой'₅ = 'надлежащий' и 'свой'₆ в значении "свой человек" (*Кто там? — Свои*). Е.В. Падучева определяет контексты, допускающие употребление *свой* только в несобственно притяжательных значениях 2–6. Эта классификация, накладываемая на приведенные нами данные диахронии, отчетливо демонстрирует стремление языка сохранить различие 'свой'₁ и 'свой'_{2–5} (структуры 'свой'₆, т.е. субстантивированные, в нашей работе не рассматривались), обеспечить это различие формальными средствами. Примечательно, что формы реализации этой смысловой дифференциации меняются, вплоть до противоположного воплощения: от немаркированного N + *свой* = 'свой'₁ в начале развития до немаркированного *свой* + N = 'свой'₁ в конце процесса. Однако категориальная суть различия сохраняется. Таким образом, система значений, выведенная Е.В. Падучевой для современного русского языка, проливает свет на ту тенденцию, которую русский язык стремится сохранить, несмотря на мощное давление каких-то участков системы, благодаря которым формальные способы выражения этой тенденции претерпели столь существенные изменения.

2. Каковы же причины этих изменений? Наиболее логично в их поисках обратиться к иным способам выражения посессивности в истории русского языка, а именно: адъективному и генитивному, и выявить эволюцию линейной структуры этих словосочетаний. Работа эта была проделана М. Виднэс⁴. Разбирая четыре теоретических возможности: *Петров дом*, *дом Петров*, *дом Петра* и *Петра дом*, М. Виднэс демонстрирует, что препозиция атрибута была явлением, свойственным русскому языку, а постпозиция его — фактом либо поздним, либо иноязычным. Так, сочетание *дом Петра* появляется лишь в середине XVII в. ("Повесть о Савве Грудцыне"). Даже у классиков XVIII в. — Тредьяковского, Ломоносова, Сумарокова очень много препозитивных посессивных определений, выраженных генитивом и отыменным прилагательным. Решительным переходом к постпозитивному посессивному генитиву можно считать "Историю государства Российского" Н.М. Карамзина, где он составляет 75%. М. Виднэс делает вывод о том, что постпозиция выражения принадлежности, представленная родительным падежом, исконно чужда русскому языку (Указ. соч., с. 175). Сравнивая эти данные с нашими данными, мы можем сделать вывод о том, что обе линии выражения притяжательности как бы поменялись местами: *свой* перешло в препозицию, а родительный принадлежности — в постпо-

зицию. Итак, хронологически оба явления примерно совпадают. Тогда можно сделать еще один вывод: на постоянную тенденцию сохранения различия 'свой'₁ и 'свой'₂₋₅ (по Е.В. Падучевой) накладывается перестройка линейных структур двух типов выражения притяжательности, приведшая к их симметричному преобразованию.

3. Но имеем ли мы право, решая этот вопрос, ограничиваться только средствами выражения посессивности и не заинтересоваться более общим вопросом об изменении/неизменении порядка элементов в именном словосочетании в русском языке. Этот вопрос был детально изучен О.А. Лаптевой⁵. Рассматривая словосочетания с *многий, великий, малый*, О.А. Лаптева показывает тонкую сетку закономерностей их линейной структуры, многие из которых на современном этапе могут быть интерпретированы, исходя из прагматического подхода. Так, О.А. Лаптева также отмечает наличие определенной группы слов, у которых атрибут находится только в препозиции, например, *время, лѣта, дни, часъ, годы* (см. именно групповое объединение лексики со *свой* в препозиции и постпозиции в нашем материале). Ею отмечены *Новгородъ Великий*, (но *Великий Римъ, Великая Пермь*). Ср. выше *Ростовци своими*, но *своя Литва*. Т.е. препозиция посессива как бы отчуждает денотат словосочетания в этот период. О.А. Лаптева показывает, что закрепленность линейного порядка зависит не только от типа лексемы имени, но и от членности/нечленности прилагательного, и даже от типа памятного. В целом же выявляется неуклонный рост препозитивных употреблений в конце древнерусского периода (в работе приводится библиография исследований других историков словоупотребления в русском языке, единодушно пришедших к этому же выводу).

Таким образом, поднявшись еще на один уровень интерпретации, можем добавить, что отмеченные нами закономерности могут быть подкреплены более общим тезисом: в русском языке укреплялась тенденция помещать изменяемый атрибут в препозицию, а неизменяемый — в постпозицию, т.е. *свой дом, новый дом, но дом Петра, дом соседа*. Тенденция эта, как очевидно, выходит за пределы собственно посессивной сферы.

4. Каковы же тогда движущие силы этих изменений? М. Виднэс высказала предположение, что *домъ Петровъ* есть форма, возникшая под старославянским влиянием. Необходимо поэтому обратиться к анализу старославянской ситуации. Исследований о позиции слова СВОИ в именных словосочетаниях старославянского языка нам не удалось обнаружить⁶, поэтому был проведен специальный анализ порядка элементов в сочетаниях слова СВОИ в Маринском евангелии. В старославянском тексте отношение N + СВОИ к СВОИ + N примерно равно 10:1. Поскольку маркированной является несомненно препозиция СВОИ, остановимся на случаях препозиции.

Все подобные примеры укладываются полностью в классификацию Е.В. Падучевой; препозицией отмечены значения 'свой'₂₋₅. Это значения:

1) 'свой собственный', 'свой'₂ — ЪКО ПРѢЪ ВЪ СВОЕМЪ ОТЪЧЪСТВИИ НЕ ИМАТЪ ЧЪСТИ (И IV 44); ЕГДА КРѢПЪКЫ ОУРЪЖЪ СѦ ХРАНИТЪ СВОИ ДВОРЪ (Л XI 21); І ВЪЛЪЗЪ ВЪ КОРАБЪ ИСЪ ПРѢДЕ · І ПРИДЕ /ВЪ/ СВОИ ГРАДЪ (МФ IX 1); І ОВЪЦА ГЛАСЪ ЕГО СЛЫШАТЪ · І СВОИ ОВЪЦА ГЛАШААТЪ ПО ИМЕНИ · І ИЗГОНИТЪ СѦ · І ЕГДА СВОИ ОВЪЦА ИЖДЕНЕТЪ · ПРѢДЪ НИМИ

ХОДИТЬ (И ХЗ); ЪКОЖЕ ЧЛВКЪ ОТЪХОДА ПРИЗЪВА СВОА РА-
БЫ · I ПРЪДАСТЪ ИМЪ ИМЪНИЕ СВОЕ (Мф XXV 14); ВЪСАЖДЪ ЖЕ
И НА СВОИ СКОТЪ ПРIVEДЕ И ВЪ ГОСТИНИЦЪ (ЛХ 34);

2) 'дистрибутивно свой', 'свой₃' – I ИДЪЕАХЪ ВЪСИ КЪЖЪДО НАП-
САТИ СА ВЪ СВОИ ГРАДЪ (ЛПЗ);

3) 'надлежащий', 'свой₅' – ВЪЗВРАТИ НОЖЪ СВОИ ВЪ СВОЕ
МЪСТО (Мф XXVI 52).

Конструкция N + *свой* более частотна, немаркирована, передает неокра-
шенную притяжательность и, как в древнерусском языке, чаще всего соот-
носится с именами, денотатами которых являются феномены непосредст-
венного окружения и непосредственного владения актанта: СЕГО РАДИ
ОСТАВИТЪ ЧЛКЪ ОТЦА СВОЕГО И МАТЕРЬ СВОА I ПРИЛЪПИТЬ
СА ЖЕНЪ СВОЕИ (Мф XIX 5); ЪКОЖЕ ЧЛВКЪ ОТХОДА ОСТАВИ
ДОМЪ СВОИ · I ДАВЪ РАБОМЪ СВОИМЪ ВЛАСТЬ И КОМОУЖЪДО
ДЪЛО СВОЕ (Мф XIII 34) и т.д.

Таким образом, исходная древнерусская модель может быть соотнесена
со старославянской.

5. Однако решать вопрос о корреляции этих двух языков в области
порядка слов мы не можем без обращения к греческим евангельским
текстам, словопорядок которых в старославянских текстах обычно копи-
ровался.

Старославянским формам 'свой'₁ в греческом тексте обычно соответ-
ствуют формы местоимений *αὐτός, οὗς*, формам со значениям 'свой'₂₋₅ –
греческие формы *ἑαυτοῦ, ἑαυτῆς, ἰδιος* (последний чаще всего):

ВЪЗЪМЕТЪ КРСТЪ СВОИ – ἀράτω τὸν σταυρὸν αὐτοῦ;

ИЗВЛЪЧЕ НОЖЪ СВОИ – ἀπόστροφον τὴν μάχαίραν σου;

ИЖЕ БО АШТЕ ХОШТЕТЪ ДШЪ СВОА СПСТИ – ὅς γὰρ ἕαν θήλη
τὴν ψυχὴν αὐτοῦ σωσαι;

МАРИВ... ВЪЗВРАТИ СА ВЪ ДОМЪ СВОИ – ὑπέστρεψεν εἰς τὸν οἶκον
αὐτῆς;

ВЪЗВЕДЪШЕ ЖЕ ОЧИ СВОИ – ἐνάραντες δὲ τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν;

ВЪЗВЕДЪ ОЧИ СВОИ – ἐπάρας τοὺς ὀφθαλμούς αὐτοῦ и т.д.

Сравниваем порядок слов в старославянском словосочетании, где гречес-
ким эквивалентом является *ἰδιός, ἑαυτοῦ*:

ЪКО ПРКЪ ВЪ СВОЕМЪ ОТЪЧЪСТВИИ – ὅτι παρήτης ἐν τῇ ἰδία
πατρίδι;

ХРАНИТЪ СВОИ ДВОРЪ – φάλασση τὴν ἑαυτοῦ αὐλήν;

И НА СВОИ СКОТЪ – ἐπὶ τὸ ἴδιον κτήνος;

КЪЖДО НАПСАТИ СА ВЪ СВОИ ГРАДЪ – ἕκαστος εἰς τὴν ἑαυτοῦ
πόλιν;

I ПРИДЕ (ВЪ) СВОИ ГРАДЪ – ἦλθεν εἰς τὴν ἰδίαν πόλιν;

I СВОА ОВЪЦА ГЛАШААТЪ – καὶ τὰ ἴδια πρόβατα φωνεῖ.

Исходя из этих примеров, мы можем принять решение, что значения
посессивности:свой'₂₋₅ в греческом языке различались лексически. Но это
было бы неточно. Практически всякое несобственно притяжательное упот-
ребление соответствует греческим *ἰδιός, ἑαυτοῦ* (исключение – ВЪЗВРАТИ
НОЖЪ СВОИ ВЪ СВОЕ МЪСТО – ἀπόστροφον τὴν μάχαίραν σου εἰς τὸν
τόπον αὐτῆς, об этом будет сказано ниже). Но не наоборот. Сочетаниям
N+*свой* могут соответствовать эти же греческие лексемы:

ВЪ ІМА СВОЕ ТОГО ПРИЕМЛЕТЕ — ἐν τῷ ὀνόματι τῷ ἰδίῳ . (И V 43);
ГЛАИ О СЕБѢ СЛАВЫ СВОЕѢ ИШТЕТЬ — τὴν δόξαν τὴν ἰδίαν ζητεῖ
(И VII 18);

ОБРѢТЕ СЪ ПРѢЖДЕ БРАТРА СВОЕГО СИМОНА — τὸν ἀδελφὸν τὸν
ἰδιὸν Σίμωνα (И I 41);

НЪ І ОЦА СВОЕГО ГЛААШЕ БА — ἀλλὰ καὶ Πατέρα ἰδιὸν ἔλεγεν τὸν
θεόν (И V 18);

ВЪВРѢЖЕ ВЪ ВРѢТОГРАДЪ СВОИ — ἔβαλεν εἰς κήπον ἑαυτοῦ
(Л XIII 19)⁷.

Что же тогда важнее для греческого — лексическое различие или порядок элементов? Если первое, то многие наши выводы для ранних этапов русского требуют дополнительной верификации, поскольку тогда старославянский порядок слов есть просто копирование греческого, где существенна только лексика, нейтрализуемая в старославянском в одном посеве СВОИ, русский же язык все повторяет за старославянским. Но это противоречило бы обнаруженной контекстной семантике различия притяжательности окрашенной и неокрашенной, характеризующей и русские, и старославянские тексты. Существенным здесь является указание исследователей греческого евангельского текста о том, что в греческом языке подчеркнутая "окрашенная" посевивность передавалась препозицией местоимения⁸.

Таким образом, старославянский язык заимствует некоторую общую установку: передавать несобственно посевивные значения через пре-
п о з и ц и ю С В О И.

Подлинным исключением оказались лишь три случая в тексте всего Марииного евангелия: ВѢСЬКО БО ДРѢВО ОТЪ ПЛОДА СВОЕГО ПОЗНААТЬ СѢ — ἐκάστον γὰρ δένδρον ἐκ τοῦ ἰδίου καρποῦ (Л VI 44); КОМОУЖДО ПРОТИВЪ СИЛѢ СВОЕИ — ἐκάστῳ κατὰ τὴν ἰδίαν δύναμιν (М XXV 15); ЪКОЖЕ КОКОШЬ ГНѢЗДО СВОЕ ПОДЪ КРИЛѢ — ὄρνις τὴν ἐαυτῆς νοσσιὰν ὑπὸ τὰς πτέρυγας (Л XIII 34). В этих примерах обращает на себя внимание специфическое значение 'свой'₃ — значение дистрибутивности. Возможно, реализация именно этого значения отличала старославянский порядок от греческого аналога. Тогда это соотносится с примером СВОЕ МѢСТО — τὸν τόπον αὐτῆς и может свидетельствовать об активном становлении значений 'свой'₃₋₅ в старославянском. Возможно, значение 'свой'₆, 'надлежащий' обрело маркированную форму выражения ранее 'свой'₃. С другой стороны, для старославянского языка 'свой'₃ подчеркивается лексически — ВѢСЬКО, КОМОУЖДО и ЪКО и тогда линейный фактор может быть функционально избыточным.

6. Однако оценить факты старославянского и греческого языков, а также движение словопорядка в русском языке невозможно без обращения к позициям универсальной грамматики, в первую очередь, к той ее части, которая относится к функциям порядка слов. Некоторые интересующие нас положения обнаруживаются в известной работе Дж. Гринберга⁹, в трактовке Универсалий 17 и 18. Универсалия 17: "С вероятностью, большей, чем случайная, можно ожидать, что в языках с доминирующим порядком VSO прилагательное стоит после существительного". Дж. Гринберг пишет: "Можно отметить, что количественные местоимения (например,

"некоторый", "все"), вопросительные местоимения и притяжательные прилагательные проявляют ту же самую тенденцию предшествовать существительному, что наблюдается, например, в романских языках, но такие случаи не изучены. В связи с этим получаем следующие Универсалии: Универсалия 18. Когда описательное прилагательное предшествует существительному, указательное местоимение и числительное в подавляющем большинстве случаев также предшествуют существительному... Универсалия 19. Общее правило, устанавливающее, что описательное прилагательное следует за существительным, может не распространяться на небольшое число прилагательных, которые обычно предшествуют существительному; но когда общее правило гласит, что описательные прилагательные предшествуют существительному, то это правило не имеет исключений" (Указ. соч. с. 129–130).

Таким образом, русский язык в своем развитии пришел к статусу определителей имени, указанному Дж. Гринбергом: согласованные определители препозитивны, несогласованные — постпозитивны¹⁰.

7. Последний вопрос — это вопрос о соотношении русского и старославянского словопорядков. Можно здесь принять или отвергнуть некоторые положения активно сейчас развивающейся диахронической типологии. А именно — можно считать, что русской системе исконно был свойствен иной порядок слов, чем старославянской, поэтому автохтонные русские тенденции взяли верх над старославянскими формами, т.е. рассматривать интерференцию чисто структурно и ахронически. Можно считать и иначе: русский язык пошел дальше старославянского по пути, описанному Дж. Гринбергом. Обратимся снова к старославянско-греческим параллелям. Несомненно, что в большинстве случаев греческий язык соответствует модели современного русского языка, а именно — в постпозиции размещаются неадекватные определители *αὐτοῦ*, *αὐτοῦ* и т.д., т.е. несогласованные, в позиции — согласованные определители. Ср. *ἔκβαλεον τοὺς ἰδιούς δοῦλους ἰ καὶ παρέδωκεν... τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ*. Старославянский язык употребляет в обоих случаях согласованное определение: ПРИЗЪВА СВОЯ РАБЫ І ПРЪДАСТЪ ИМЪ ИМЪНІЕ СВОЕ (Мф XXV 14). Тогда дифференциация типов значений 'свой' в греческом языке осуществляется и позицией, и лексикой, в старославянском же — только позицией. В современном русском языке различие собственно и несобственно притяжательных значений выражается несколькими способами. Таким образом, будучи генетически близким к старославянскому языку, в своем типологическом пути, в том, что касается функций элементов и правил их словопорядка, русский язык оказался близким к греческому. Эволюционно старославянский оказывается как бы промежуточным. С некоторой осторожностью можно здесь сослаться и на мнение М.Бауэровой о средствах, вырабатываемых, когда "новый литературный язык столкнулся с теми выразительными потребностями, которые встали при переводе такого зрелого языка, каким был греческий"¹¹.

Проведенный анализ показал, что различие собственно притяжательных и несобственно притяжательных значений характеризует все языки анализа: русский, старославянский и греческий. Однако формы выражения этого различия могут по языкам не совпадать, могут и меняться в пределах одного языка (вплоть до диаметрально противоположных измене-

ний). Обнаруженные факты могут быть интерпретированы путем введения иерархически организованной системы интерпретаций: от более частных до самых общих. Внутренняя непротиворечивость уровней интерпретации еще раз подтверждает выведенные фактические закономерности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работе сознательно не рассматриваются те случаи, в которых отмечаются отклонения от современной нам нормы Грамматического построения высказываний со словом *свой*, в частности, соотносительность таких сочетаний не с субъектом, а с объектом высказывания: *Нѣсть бо свое княжение градъ Владимиръ, но пригородъ есть нашъ и наши смерди въ немъ живутъ; Братаничи же отпустиша срацинь трехъ ко Амиру царю своему* (т.е. сарацинскому. — Т.Н.) *словомъ вѣсть; А корабли принуждены въ море бѣжать, оставляючи своихъ торговыхъ людей; Ужасный сонъ! своихъ мечтавшихся мнѣ силъ, ты удареишемъ нещастия поразилъ; В запальчивости своей пить ему холодную воду; Обращала печально взоръ свой на волны, которые разлучили ее съ своимъ любовникомъ* и т.п.

² Необходимо отметить характерные для этого периода особые конструкции двойной отмеченной посессивности: *Пришедъ въ свои ему монастырь; С молбою введоша Моисия архиепископа на свои ему столъ; И сотворивше вече по своему ихъ обычаю; Видитъ Святаго Данила во своемъ ему монастыри* и т.д. с препозицией *свой* и экспликацией рода и числа обладаемого и лица и числа обладающего. Эти конструкции не знают линейного дублирования и потому не образуют смысловой оппозиции.

³ *Падучева Е.В.* Местоимение "свой" и его притяжательные значения. — В кн.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983.

⁴ *Виднэс М.* О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родительным падежом принадлежности в русском языке XVIII–XIX веков. — *Scando-Slavica*, t. IV, 1958.

⁵ *Лантева О.А.* Расположение компонентов устойчивого словосочетания как элемент его структуры. — ВЯ, 1959, № 3.

⁶ Известная работа Р. Вечерки посвящена не порядку, а конкуренции *свой* с другими притяжательными местоимениями (*Večerka R. Distribuce possessivních zájmen v staroslověnském.* — In: *Otázky slovanské syntaxe.* Brno, 1979. IV).

⁷ В стороне остаются те нередкие случаи, когда в греческом тексте посессив отсутствует, например, *ТЪГДА ИС ПОСЪЛА ДЪВА ОУЧЕНИКА СВОЪ — τότε ἵησους ἀπέστειλεν δύο μαθητὰς (Мф XXI 1).*

⁸ *Blass F., Debrunner A.* Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1979; S. 234; *Steyer G.* Satzlehre des neutestamentlichen Griechisch. Gütersloh, 1979, S. 46.

⁹ *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. V. М., 1970.

¹⁰ Данные среднего периода развития русского языка как будто бы противоречат Универсалии 20 Гринберга, по которой местоимение предшествует описательному прилагательному, а последнее предшествует существительному: *пишу цѣлымъ своимъ умомъ; возложи печаль на лице острымъ своимъ мечемъ; посылаетъ къ нему единокровнаго своего боярина; имѣло собственныхъ своихъ владѣтели и самодержавнаго своего короля; прѣбхалъ для рукодѣльнаго своего промыслу* и т.д. В постпозитивной цепочке правило Гринберга соблюдается: *свата своего великого; отца своего духовного; брата своего большего; сроднику своему великому.* Таким образом, на данном этапе *свой* как бы "прилипают" к имени, как в препозиции, так и в постпозиции. С конца древнерусского периода цепочка русских препозитивных определений соответствует Универсалии 20